

Ю. И. Ермилов

Преподаватель Ивановского Православного богословского института св. ап. Иоанна Богослова и Ивановского художественного училища им. М. И. Малютина. Теолог, арт-теоретик, иконописец, лингвист, клирик РПЦ.

Философские заметки: проблема американизации

В ходе либеральных российских реформ у западного общества могло сложиться впечатление об утрате населением нашей страны качества патриотизма, полного культурного завоевания российского социума ценностями американской культуры. На деле столкновение цивилизаций пошло на пользу российской культуре, показав обществу ее полное принципиальное превосходство над либеральными ценностями. Созданы условия для возвращения России на лидерские позиции в глобальном мире на основе благородного патриотизма, а не западного китчевого.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, позитивные следствия социального кризиса в России и перспективы культурного лидерства.

Американизация Российского образа жизни – вопрос уже давным-давно закрытый. Казалось бы, говорить не о чем. Тема эта пета – перепета вдоль и поперек, и все возможные аспекты включенных в нее проблем обсуждены до дыр. Однако, новые исторические условия, создавшиеся на международной арене за последние полгода, требуют возвращения к вопросу об американизации российской реальности: этого требует назревшая проблема естественного патриотизма, без решения которой Россия, а вслед за ней и остальной трезвый мир, вряд ли выживут в том качестве, в каком они себя идентифицируют сейчас.

Трижды проклятый демократами патриотизм, которым, по их утверждению, заменяют все, когда ничего другого нет у государства, оказался необходим для простого физико-биологического выживания нации и страны. Многие действия гражданского и общественного свойства оказались в таком положении, когда их невозможно делать без крайнего

напряжения, если оставаться в той системе американизированной ментальности, в которой находится большая часть производительного населения России. Корень проблемы состоит не в том, как избавиться от американизма тем, кто в нем погряз и вряд ли выберется из него в ближайшие годы, а в том, как попытаться оградить от него младшее поколение, очистив все его возрастные группы от 0 до 25 лет и старше. Автор этого текста прекрасно понимает чрезвычайную сложность, почти невозможность этой задачи. Но деваться некуда. Отстаивать независимость, будучи ментально-зависимыми, невозможно.

Американская культура сама по себе, включая ее суб-, андер- и все другие главные и не главные составляющие, не вызывает каверзных вопросов, ставящих под сомнение самобытность и качество этой культуры, особенно в тех случаях, когда она обращена к себе самой и сама себя питает. Но давным-давно замечено в разных по типу культурно-политических

системах: когда на местную ментальность накладывается любой тип или типы американской, происходит изъязвление национального строя, его искажение и деградация, приводящие в итоге к полной потере национальной идентификации и к безразличию к любым проявлениям чувства родства по отношению ко всему, что составляет основу полноценного личного мироощущения у представителя любой нации.

Американская самость совсем не такая широкая, универсальная и открытая, как ее многие давным-давно привыкли представлять. Это очень жесткая система социальных и биологических взаимоотношений индивидуума и общества, где выпадение одного, на первый взгляд, незначительного его звена, приводит к полному разрушению этой личностной конструкции. Для внешнего политического наблюдателя очень сложно определить ценностный уровень разных социально-психологических позиций коренного американца. Поэтому возвеличивание американского образа жизни в качестве примера для подражания также нелепо и абсурдно, как призыв к античному образу жизни. Необходимо подчеркнуть и то, что наступление американизма на иные мировые культуры нельзя считать прямой культурной агрессией, хотя в этом явлении просматриваются естественные наступательные тенденции конкурентного типа. Все дело в том, что американизм почти всегда выигрывает и делает это не так, как победитель в войне, а удовлетворяясь лишь тем, что приобретена новая сфера приложения, рынок сбыта, неважно, чего, культуры или товаров. Инициативность американцев имеет широчайший диапазон, но лишена криминального оттенка, как например, у россиян. Их готовность к труду, к делу в любую минуту жизни дает им возможность жить так, как хочется, но не в состоянии беспредела воли. Их глубинная дисциплина достойна уважения и очень тяжело поддается копированию.

То, что сейчас можно с большой долей точности назвать американизацией, принадлежит в России инициативе ее элитных представителей – деятелей культуры, политики и социальной сферы, которые в силу их особой компетенции в этих вопросах прекрасно осознавали, куда и как двинется изменение психологии нашего народа, ставшее почти обычаем, когда он обретет совершенно новые привычки, желания, чаяния и мечты. Можно поверить и в то, что такое изменение кому-то представлялось прогрессивным. Но в вопросе о воспитании детей разногласий быть не могло: однозначное и однонаправленное освобождение ребенка от его родственников, возрастных и гражданских обязанностей, разрыв связей с родной историей, с живыми национальными реалиями и их замена на иностранные духовные суррогаты – все это получилось именно так, как хотелось. Мы вырастили стойкий, трудноизменяемый тип ментальности, склонный к саморазвитию в определенном русле, одним из главных признаков которого является отрицание или, как минимум, безразличие ко всему тому, что составляет основу родства, родного, родины и Родины. В новый российский менталитет вползла и намертво закрепились потребность в мелочности, суете, поверхностности, кривлянии и пустословии. Поклонение Количеству Потребляемого приобрело религиозно-биологический характер, а презрение к всему, что несет отблеск мысли, таланта и человечности стало признаком хорошего тона. В круг ненужного вошло все то, что на протяжении веков составляло основу личного и гражданского, что давало надежду на счастье и на место в жизни. Понятно, что в мире давно берет верх тенденция к отчуждению между людьми, поколениями, социальными группами. Но вне России это происходит в терпимых пределах, и это при всем том, что по западным законам разрешается еще большее размежевание с близкими, чем это есть там в реальности. Российская

взаимоотчуждаемость стимулируется своим же американизмом.

Попробуем проанализировать некоторые моменты бытия нашего молодого поколения на примерах из жизни студентов художественного училища за 2012-2014 годы. Прекрасное поле для исследования – социальные сети, в частности, контакт. Более семидесяти студентов и выпускников разного возраста выставляют в новостях все, что доступно их друзьям и что составляет подлинную их сущность, которую можно открыть своим, и которую не стыдно показать всем, кто это может прочитать.

Трагедия ситуации заключается в том, что вопреки воспитательному характеру американского воздействия, в большинстве представителей младшего поколения живет на низшем или высшем уровне интуитивное чувство правды, которое не позволяет до конца освободить себя от родственных связей. Этот, на первый взгляд, естественный случай, на российской, а особенно на русской почве, приобретает зловещий оттенок. Отрок, юноша или подросток не могут даже частично осознать причину их страшного душевного дискомфорта, к которому понуждает их американизированное социальное положение. Пребывание в кругу ровесников становится не естественной и закономерной частью их жизни, а ритуальной ситуацией, поглощающей их сознание всегда и везде. Даже взрослому человеку часто невозможно осознать причину стойкого душевного неравновесия когда кругом все хорошо, дома мир и лад, на работе и в учебе успехи. Точно также любой живой организм, привыкший к конкретной пище, ощущает стойкий дискомфорт от изменения ее состава, и это при полном сохранении полезных и питательных веществ. Мы не удивляемся, посещая общепит, что никогда не бываем сыты: через эту пищу человек может жиреть, но не наедаться, и никакие калории не обеспечивают сытости. Душа современного молодого человека подобна раздутому желудку ресторанного

завсегдатая, который никак не может до конца утолить голод, независимо от качества и количества поглощаемой им пищи. Сравнение с общественным питанием в данном случае правомерно еще и потому, что русская традиция всегда предпочитала хороший стол дома, изобильный в праздники и простой, добрый и сытный по будням. Такая банальная вещь, как еда, а тем более, способ ее употребления составляет одну из важнейших и необходимых частей жизни. Многие вообще страдают, если лишены привычного образа приема пищи. С проблемой общения все серьезнее и сложнее. Возрастные особенности детей 12-17 лет не требуют от них полного и реального отчуждения от родителей. Для стабильности их возрастного специфического состояния достаточно не столь высокого уровня самостоятельности и пребывания во внеродительской изоляции, как это есть сейчас. Потребность быть в кругу сверстников в нормальной социальной и психологической ситуации не может продолжаться более положенного ей срока: в противном случае происходит патологическое продолжение детства, культивирующее принудительную инфантилизацию личности. На практике получается так, что социально и граждански одаренные молодые люди оказываются не в состоянии произвести достойное их приложение сил в работе и творчестве. Количество таких «конфликтов» между личностью и обществом, вообще немислимое три десятилетия назад, стало теперь общим местом. С этим явлением невозможно конкретно бороться, потому что каждая отдельная ситуация, легко разрешаемая на техническом уровне, не имеет пока собственного психологического решения.

На новостной странице «вконтакте» студентов художественного училища регулярно появляются личные, общественные и профессиональные послания. Из сотен художественных иллюстраций за три года только одна, и то случайно, посвящена русскому художнику

Билибину. Все остальное, это максимум Сальвадор Дали и подобные ему художники, эстетика которых насквозь американизирована и ограничивается изображением страшного и омерзительного, а психология не выходит за рамки животного страха. К этому можно добавить звездно-галактические туманы и бытовые дымы, символизирующие самый примитивный тип загадочности. Все это вписывается в голливудскую схему киноиндустрии, которая всегда избегает реального психологизма, реальных проблем и всего того, что составляет подлинную жизнь любого современного человека. Прекрасно понимая, что возраст требует стандартных страшилок, загадкой остается пренебрежительное отношение студентов к собственному дарованию. Ведь художник отличается от простого смертного тем, что он не только намного лучше рисует и точнее видит, но и своей особой, чисто профессиональной способностью выделить в мире нечто действительно высокохудожественное. Во все времена круг интересов начинающих мастеров ИЗО, касающийся истории искусств, резко отличался от аналогичного интереса нерисующих старших и младших. При этом каждый юный художник без подсказки понимал, что его особый выбор прекрасного достоин и особого уважения. Сейчас же из моря изобразительной информации особо одаренный выбирает в качестве образца для подражания или восхищения то же самое, что и абсолютная бездарность или непрофессионал. Таким образом, талант оказывается совершенно не нужным ни для себя, ни для людей. Подобных парадоксальных ситуаций, в которые поставлено молодое творческое сознание, так много, что их невозможно даже классифицировать. Если у музыкантов степень личного в творчестве почти интимна и не столь нуждается в обязательном общественном признании, то у художника то же самое обращено во внешний мир: он может обойтись без аплодисментов и комплиментов, но пропадет без зрителя. Сопроводительные

тексты новостной стены, равно как и фотографии, имеют точно очерченный круг стилистики и содержания. За редчайшим исключением они принципиально поверхностны и суперэлементарны, но претендуют на глубину. Фотографии композиционно и идейно подчинены правилам, принятым в гляцевых журналах, и то, и другое – китч. Таким образом, представители элитной профессии, имеющие особый Божий дар, оказываются на дне интеллектуально-эстетического омуты, совершая свой странный выбор.

В русле личных (учебных и дружеских) отношений происходит то же самое. Китчевая ментальность не позволяет до конца и полноценно строить взаимоотношения со сверстниками и старшими. Теоретически возможная реальная теплота отношений, в которой нуждается любой нормальный человек, делается запретной. В любом случае молодым приходится поддерживать мнение окружающих о том, что без сочувствия можно обойтись. Присущая юности откровенность концентрируется на таких явлениях, которые не могут составлять основы реального психологического комфорта, в частности, на интимно-сокровенном. Демонстративное поверхностное поведение становится нормативным, при этом любая ситуация, требующая помощи и вмешательства близких, становится неразрешимой: вдруг появившийся крик о помощи не поймут – примут за очередной прикол. В этой позиции возрастные свойства, которые в нормальной национальной реальности помогают встать на ноги и выйти из тяжелой ситуации, здесь совсем не работают. Если не так давно, в годы классических возрастных капризов, отчуждение молодых касалось только тех, кто старше и имеет с ними дело, то сейчас этого отчуждения не миновало ни одно звено онтологической цепи, заключающей жизнь юноши или девушки. В поле отчуждения прочно встали такие, ранее не

отчуждаемые явления и предметы, как учеба, профессия, образование вообще, все виды коммуникативных связей с близкими и дальними, культура в целом, собственное здоровье, мечты о будущем и размышление о смысле жизни. И дело даже не в том, что количество самоубийств среди юной возрастной группы давно уже зашкаливает, а в том, что любой сильный характер, лишенный многогранного и всеобъемлющего национального тепла, если и способен сам встать на ноги, то точка его опоры всегда будет зыбкой, шаткой и в критическую минуту вообще может пропасть.

Вспоминая детство полувековой давности, безкомпьютерное и безэлектронное, бедное и почти нищее, невозможно не видеть без всякого напряжения сотен а может и тысяч таких деталей жизни, которые состояли из сплошной доброты и родства. Все они были связаны с тем, что составляет бытийственную сущность русского национального ядра. Запах бабушки – корица, мед и сладость – русский, и не потому, что эти предметы или продукты имеют отношение к русскому полю или саду, а потому что в семьях русских иконописцев женщины умели прекрасно готовить сладкое. Сотни запахов, связанных с теплотой заботы и умением строить быт, создавали важную часть русского мироощущения за которое, возможно, воевали наши предки, защищая родину. Эти запахи почти никогда не были ассоциативно связаны с чем-то неприятным, они передали нашей памяти понятие о том, что такое родной дом и дома родных. И те крупницы уже интеллектуального и информационного знания о своей родине никогда не отрывались от этих запахов не просто малой, а очень маленькой родины. Не стоит думать, что теплота подобных воспоминаний держится лишь на детской привязанности: сейчас мы не можем не видеть, что наши дети и внуки не только лишены этих запахов, за которыми стоит целая смысловая вселенная, но имеют им

«адекватную» замену в виде компьютерных игр и электронных прибабасов, заполняющих их убогий, лишенный фантазии и изобретательности, досуг. Кстати, запахи теперь только косметические, остро-узкие, без ассоциаций с человечностью. У наших детей отнято целое онтологическое пространство, из которого складывается прочность внутреннего мира.

Конструкция американской семьи не предполагает столь же высокой степени теплоты и близости отношений, какая есть в русских семьях. Поэтому для американских подростков отчужденность от близких не является такой жестокой проблемой, как для наших. Как бы ни строила себя русская семья, как бы она сама себя добровольно и сознательно не погружала бы в электронно-компьютерное отчуждение, в ней всегда найдется хотя бы один ее член, который на дух не принимает машинных взаимоотношений и жаждет простых человеческих добра, теплоты, любви и уважения. Но пока такая личность в усредненном общественном сознании – белая ворона и погоды не делает.

Психология молодых художников, личность каждого из которых требует не только покоя и умиротворения, но и осознания собственной высокой миссии в этом мире, сталкивается с парадоксальными трудностями, которые были немыслимы 30 лет назад. Пограничная планка между высокодуховными требованиями к своему творчеству с одной стороны и полным отсутствием каких-либо требований к чистоте и ясности собственной души с другой давным-давно переместилась туда, куда никакое творчество, даже в своих темных закоулках, раньше не заглядывало. Поэтому можно считать чудом изобразительные успехи наших современников – именно тех, которые не лишают себя «прелестей» современной американизированной жизни.

Если внимательнее взглянуть вокруг, особенно на те американоидные

«мелочи», без которых жизнь молодых не существует, то наши выводы будут еще более плачевны. В недавнем и давнем прошлом молодежный сленг был одной из важных частей юмора и занимал четко определенное ему место, то сейчас он стал всегдашним «нормальным» способом выражения мыслей и чувств. Это значит хочешь-не хочешь, а приходится выполнять его антикультурные и антиинтеллектуальные приказы. Не только набор слов и понятий, но и главное, их социальный смысл, представляющий из себя ментальную кальку с американского, производит непоправимое насилие над сердцем и мозгом русского человека. Если раньше молодой человек мог пошутить, подшутить, перешутить, прищучивать, шутковать, отшутиться и нашутиться, то сейчас он может только приколотся, а уж «отприколотся» никак не сможет. Относительная и абсолютная бедность сленга юношества заключена не только в скудном количестве терминов, но главное, в связанности их композиционного взаиморасположения. Так языки, не имеющие флексий, создают, однако, такие словестные конструкции, которые дают почти неограниченную возможность смысловых нюансов. В американизированном же словесном поле сленга таких операций просто не предполагается: в словесном богатстве нет нужды, оно под запретом. Присоединяемая к этому другая языковая проблема, переходящая в социальную, это сращивание тюремного сленга с молодежным. Она соединяет две разнохарактерные ментальности, возрастную и криминогенную в одну – в ядовитый плод уголовной юности. Некоторые социологи считают, что это нормальное явление, один из знаков времени, который ни плох, ни хорош. Хочется отметить, что все «научные» разговоры о том, что молодые просто «другие», «не такие, как мы», не стоят серьезного внимания. К «другим» можно отнести представителей любой антисоциальной или нетрадиционной

группы людей, большинство из которых представляют реальную угрозу для общества. Не лучше ли признать в молодых полноценных людей, во всем равных старшим? Только делать это надо не с натяжкой, не комплиментарно заискивая, а давая им понять, что реальное достоинство не только дорого стоит, но и дорого достается. Но эта «дороговизна» вполне подвластна возможностям любого нормального молодого человека, если он стоит на «национальных» ногах.

Среди общего потока американизированной российской молодежи все чаще и чаще встречаются яркие нестандартные типы. В них нет никакой фольклорной экзотики, нет демонстрации национальных атрибутов или качеств, нет того, что называют урапатриотизмом. Их любовь к родине тиха и почти скрыта, но столь очевидна, что проявление их национальной самобытности происходит зачастую на первый взгляд даже вне русской почвы. Это переосмысленные и заново поданные японская и китайская живопись и керамика, индийский танец, кавказская кухня, подлинные и переводные стихи иностранных поэтов и многое другое. В самореализации этих необыкновенных юношей и девушек бесспорно участвует нечто сверхъестественное, вынуждающее чуткие к национальному души искать и находить нечто чисто русское в окружающем американизированном поле. Эти «божьи посланники» в наш компьютерный мир каким-то образом отслеживают те крохотные точки русского национального во всем, что нас окружает, делая это безошибочно, красиво и результативно. И не только взрослые, но и сверстники начинают относиться к ним с уважением, прекрасно понимая, что за такими – будущее. Все это касается профессиональной гуманитарной деятельности. Но есть сейчас и другое. Это неожиданно появившееся на фоне внешнего разврата и сексуальной распущенности таких юных и молодых,

которые способны по-настоящему глубоко крепко любить. Для них невозможно соединить в своем сознании американское «заниматься любовью» с любовью как таковой. Возможно, они являют собой пример еще большего мужества в этой нашей, очень злой и неприкаянной жизни. Они не стыдятся настоящей любви, будущей семейной жизни, которая, как они знают, будет намного тяжелее нашей. При этом они не оставляют в своих мечтаниях место глупой и пустой фантазии или несбыточным прожектам. И этим они обязаны не только личному божьему дару, но и умению найти опору в остатках той национальной чистоты, которая каким-то чудом открывается их внутреннему взору.

Включите телевизор. Переключайте каналы. Найдете ли вы что-нибудь русское? Неважно, в историческом или в каком-нибудь другом аспекте. Может, на одном из каналов промелькнет русская мульт-сказка или что-то ей подобное, но не более того. Малыш не найдет ничего того, что могло бы не просто пощекотать ему нервы, но и показать нечто важное из детской сокровищницы русского искусства, что может соединить его с историей и культурой Родины. Ничего этого нет. Все юмористические программы, особенно молодежные, не говоря уже о различных шоу, представляют из себя копии или кальки с «американских» программ. Их язык чаще всего страдает сходством с американским вариантом английского с помощью русских слов. В большинстве передач работают насыщенные американизированные словесно-психологические клише, не позволяющие всерьез воспринимать и производить то, что не только умно, но и свято. Появилась стойкая привычка смеяться над тем, над чем у нас смеяться было не принято: над чистотой семейных отношений, над святынями родины, над церковью и ее атрибутикой. Такой социальный цинизм не может не иметь последствий. Всякий, посмеявшийся над историческим

памятником за его «сходство» с тортом, не преминет посмеяться и над более запретными с точки зрения религии и морали вещами. Даже интеллектуальная программа «умники и умницы», в которой, казалось бы, не могло быть и места каким-либо заокеанским формулам, иногда страдает акцентированной антирусской стилистикой.

Нам не хочется утверждать, что Россия должна быть изолирована от влияний каких-либо культур, в том числе и американской. Просто нам больно видеть изобилие целых языковых и ментальных конструкций, которые охватывают любой предмет или явления цепкими лапами американизма, превращая простое и знакомое нам в нечто экзотическое, заведомо чужое, с вывернутой наизнанку сущностью. Любая мелочь повседневности уже несет печать, или след, или отблеск чего-то американизированного.

Для младенцев, юных и молодых, не существует другой реальности. Педагоги и профессура уже давно не избегают сленговых оборотов для повышения контактности со студентами и школьниками. Это свидетельствует о том, что в среде нашей культурной элиты жирная червоточина. Если мы не жалеем себя, то пожалеем же наших детей! Пусть они никогда от нас – русских не слышат как норму ни фени, ни сленга, ни американизмов, пусть эти стилистические фигуры станут достоянием чистого юмора, особого – не нормального языка, чтобы они ассоциировались только с тем, что абсолютно не серьезно. Мы прекрасно понимаем, что тех, кому за 25, вряд ли можно переделать: те их них, кто сумел выжить и остаться русским, в помощи не нуждаются. Те же из них, кто погрузился в стихию американоидного бытия, даже попав сейчас в идеальную национальную атмосферу, вряд ли ее примет. Не будем скрывать, что известно по нашим жизненным наблюдениям: именно из этой среды вышло очень мало ярких и одаренных личностей, и очень много

бесцветных, отстаивающих свою серость, людей, стремящихся сделать весь остальной русский мир серым и безнациональным. Не все из них знают и понимают, что с них обязательно спросится за безразличие и презрение к судьбе их детей, потому что человек, определяющий свою заботу о потомках в чисто материальном ключе, не способен видеть ни будущего их, ни настоящего, вообще ничего того, что дает надежду на лучшее.

Невозможно и не нужно русифицировать ни процесс образования на всех уровнях, ни повседневную жизнь. Но совсем не трудно и не требует никаких затрат (при колоссальном конкурсе!) подбирать дикторов радио и телевидения (на все каналы!), владеющих правильным русским языком именно как своим родным, а не как вычурным актерским мастерством. Чтобы не путали «одеть» и «надеть», чтобы ударение в слове «цепочка» было не на первом слоге, чтобы «комплиментарно» называя человека сексуальным, не забывали о том, что это слово означает на самом деле, и стоит ли его вообще употреблять вслух.

Первый шаг – это наша защита, «поддержка и опора» наш великий русский язык. С рождения ребенок должен познать его ни с чем не сравнимые возможности. Мама, мамочка, мамуля, мамусик, мамулятинка, мамища, мать – это только небольшой перечень того, чем ребенок может овладеть. Постигнув в раннем детстве безграничные возможности выражения мыслей и чувств на русском языке, ребенок научится хотя бы, если не точно и выразительно говорить, то понимать умную и

содержательную речь. Если его еще лишит возможности регулярно слышать нецензурную брань от ровесников и старших, привив к ней отвращение и неприятие, то он сможет спокойно и не дергаясь, не вызывая в своей душе лишних пустых эмоциональных всплесков, обдумывать какие-то простые ясные, но очень серьезные вещи. И те крупницы национальных знаний, которые пока еще нам доступны на уроках литературы, истории и МХК смогут добавить в сокровищницу его души нечто такое, что не заменишь ни тренировкой памяти, ни обширным чтением, ни разговорами на тему преимуществ русского национального характера.

И вообще, наверное, надо поменьше говорить о русском, давить им на сознание. Лучше стараться быть русскими, а это значит научить себя любить то, что ты уже когда-то хорошо, но поверхностно знал. А если не знал, то узнал. И сумел полюбить. То, что раньше не любил, и не думал о том, что это можно любить. Любовь к родине – загадка. У каждого она своя, как любовь к любимой. Но для каждого патриота есть нечто, что его объединяет с другими, подобными себе: это понимание реальной ценности всего того, что Россия сумела сделать на духовном поприще за тысячу лет своего существования. Это осознание передастся тем, кто в этом так сейчас нуждается, в основном не через называние патриотических предметов, а через подлинное ощущение родины, присущее нормальному патриотическому сознанию.

© Ермилов Ю.И., 2014